

В. В. Воронин

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ В РОССИИ

В статье раскрыт процесс формирования института частного обвинения в России, выявлены его основные этапы и особенности каждого из них, на основе чего определено, что главное отличие каждого этапа заключается в степени дискриминации прав частных лиц, пострадавших от преступлений.

История уголовного процесса началась господством в нем частного начала и полным совпадением его с процессом гражданским. При этом уголовное судопроизводство было неформальным, то есть простым разбирательством между пострадавшим от преступления лицом (или его семьей) и виновным лицом, и основывалось на мести или возмездии за совершенное преступное деяние. Однако с развитием общественных отношений на смену такому порядку пришли формальные процедуры, ибо, как считает В. Микляшевский, «грубая форма восстановления нарушенных прав – кровная месть, основанная на крайнем применении начала индивидуальной свободы, исключала общественный порядок и, таким образом, противодействовала общественному развитию» [1]. Во избежание самосуда решение вопроса о виновности заподозренного в преступлении лица стали возлагать на уважаемых граждан, но обвинителем в основном выступал сам пострадавший. Роль официальных лиц в решении уголовных конфликтов была незначительна, публичных обвинителей и профессиональных судей еще не было, поэтому уголовное судопроизводство в этот период оставалось частным и состязательным.

Законодательное закрепление уголовного процесса происходит на Руси лишь после принятия христианства, а первый Свод законов, в котором по-прежнему имело место господство частных начал, датируется 1020 годом. Так, Русская Правда гласила, что «если побитый явится в суд со знаками побоев, ранами или синяками, жалоба его принимается и без свидетелей, если же знаков бития не окажется, то свидетель необходим» [2]. Согласно нормам Русской Правды **преступление определялось не как нарушение закона или княжеской воли, а как «обида», то есть причинение морального или материального ущерба лицу или группе лиц**, именно поэтому построение уголовного процесса по Русской правде «является бесспорно состязательным» [3].

По мере укрепления государственной власти и с осознанием того, что преступление не может являться только частным делом, ибо затрагивает как частные интересы, так и общественные, поэтому касается всего общества, уголовное преследование становится обязанностью государства, что в свою очередь потребовало создания особых органов и приемов управления, а также специального процессуального деятеля, на которого возлагалась бы обязанность установить, имело или нет место преступление. Таких деятелей стали называть судьями. Кроме того, были созданы и специальные органы для борьбы с преступлениями, в число которых вошли губные старосты, которые должны были разыскивать виновных и собирать доказательства их вины, а затем и наказывать их.

По Судебнику 1550 г. и по первым губным грамотам для губных дел, к которым принадлежали такие дела, как разбой, «татьба» (кража), а в XVII веке – еще и душегубство, поджог, оскорбление родителей и другие, был установлен особый порядок судопроизводства. При этом «кормленщики» вели судные дела, возбуждаемые частным иском или обвинением, обвинительным или состязательным процессом, который мог окончиться примирением обвинителя с обвиняемым в любой стадии процесса. В то время как губной староста вел дела розыскным или следственным порядком, при этом дело могло быть возбуждено и без частного иска – поимкой татя с поличным, повальным обыском-опросом обывателей о прежнем поведении обвиняемого, об его общественной благонадежности и оговором – указанием преступника с попытки на соучастников преступления [4]. Целью такого судебного процесса являлось предупреждение и пресечение «лиха» (преступлений), искоренение «лихих людей», то есть лиц, совершивших преступления, направленные против интересов государства.

Таким образом, несмотря на то, что право на уголовное преследование еще оставалось за частными обвинителями, однако в случае, если госу-

дарство считало, что его права нарушены, то имело бы место преследование по долгу службы, то есть с развитием государственной власти начинается ограничение свободы частных лиц, пострадавших от преступлений, в распоряжении предметом процесса. Эти изменения стали происходить прежде всего из-за того, что государство стало осознавать общественную опасность некоторых видов преступлений, в связи с чем возникла необходимость в преследовании виновных в их совершении лиц самостоятельно, причем круг таких преступлений постепенно расширялся.

С конца XVI века розыскной процесс продолжает вытеснение из уголовного процесса остатков состязательности, а с ними и элементов процессуальной свободы его участников, то есть частных лиц, как жертв преступлений, так и лиц, их совершивших. При этом «на первый план выступает государственный элемент преследования преступлений, а личный элемент постепенно отодвигается в тень» [5], то есть судья становится самым активным участником уголовного процесса, «обыскивая всякими сысками накрепко» [6]. Помимо преступлений, дела о которых возбуждались государственной властью, Соборным Уложением 1649 года предусматривались и такие, которые возбуждались только по жалобе потерпевших. Например, статья 270 Уложения разграничивала понятия татьбы, разбоя, грабежа и предусматривала, что дела о татьбе и разбоях возбуждались государственной властью, а дела о побоях и грабеже – по жалобе потерпевших [7]. Однако применение сыскного производства зависело не только от категории дела, но и от обстоятельств, при которых был задержан виновный. Так, например, «сыску подлежали облихованные на повальных обысках и захваченные с поличным, прочие же лица даже за те же преступления ведались порядком суда» [8].

Сыскное производство начиналось без жалобы, по инициативе губных старост, собиравших доказательства, на основании которых и решалось дело. Кроме того, характерной чертой для эпохи Соборного Уложения являлась возможность в ряде случаев перехода дела, начавшегося порядком обвинительного процесса, то есть по жалобе частного лица, пострадавшего от преступления, к производству в порядке розыскного процесса.

Таким образом, в законе, вплоть до начала XVIII века, продолжали существовать две формы судопроизводства, то есть обвинительная и следственная, которая продолжала развиваться. В начале же XVIII века государство, приняв на себя обязанность по защите и восстановлению нарушен-

ных преступными деяниями прав частных лиц, одновременно с этим еще более ограничило их процессуальную свободу, отведя им в уголовном процессе пассивную роль статистов. Так, законоположения Петра I и Екатерины II в области уголовного процесса легли в основу Свода законов Российской империи, первое издание которого появилось при Николае I в 1832 году, составив вторую книгу его XV тома. С принятием Свода законов потерпевший, правда, продолжал называться истцом, но прав стороны в процессе уже не имел. Дело рассматривалось без его деятельного участия, в установленном порядке судебных инстанций. При этом даже судебное разбирательство было негласно не только для посторонних, но и для сторон, внешним же признаком гласности судебного уголовного процесса было присутствие депутатов в ограждении подсудимых.

Несовершенство данной системы уголовного процесса из-за имевших в ней место недостатков, следовавших из смешения властей, преобладания «канцелярщины», многочисленных инстанций, отсутствия гласности и открытости процесса, а также инквизиционного порядка, осознавалось не только обществом, но и правительством. Именно поэтому в 1864 году была осуществлена судебная реформа, итогом которой стало появление Судебных Уставов, в которые вошли четыре отдельных и совершенно самостоятельных кодекса, открывших новую эпоху в истории русского судебного права. Так, в области судостройства они провозгласили самостоятельность судебной власти, создали особую обвинительную власть, широко допустив к участию в судебной деятельности народный элемент, который заменил прежний подход по признаку сословности. В области судебного разбирательства ими вводился смешанный порядок судопроизводства французского типа, с его разделением на предварительное и окончательное, причем первое осуществлялось письменно, негласно, без участия в нем сторон, а второе – устно, гласно, с участием сторон и их состязательностью. Власть обвинительная была отделена от судебной путем распределения функциональных обязанностей между судом и прокуратурой по вершению правосудия и осуществлению уголовного преследования в суде, где представители последней обвиняют от имени государства при рассмотрении дел, отнесенных к числу публичных. Уголовный процесс был разделен на две составные части: предварительное следствие, осуществляемое судебным следователем под контролем прокурора с использованием при этом

помощи полиции, и судебное разбирательство, где в порядке устного состязания сторон проводилась проверка всех доказательств, на основе которых выносился приговор, при этом в качестве обвинителя по делам публичного обвинения выступал либо прокурор, либо полиция.

Все эти новшества позволяли рационально развиваться и совершенствоваться в российском уголовном процессе смешанной форме уголовного процесса, сочетавшей в себе как состязательный, так и розыскной порядок. Характерными чертами розыскного (следственного) порядка являлось смешение функций суда и обвинения. Суд не только решал поставленный ему вопрос о виновности данного лица, но и производил исследование о возможности постановки такого вопроса по отношению к какому бы то ни было лицу, собирая доказательства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, то есть в руках суда сосредоточивалось обвинение, защита и решение дела, а стороны, как и органы, самостоятельно и отдельно от суда действующие, в процессе совершенно отсутствовали, что, по мнению И. Я. Фойницкого, недопустимо, ибо розыскной порядок, «соединяя в одних и тех же руках обязанности судьи, обвинителя и защитника, неизбежно приводит к неправильному отправлению правосудия» [9]. В то время как «сущность состязательного или обвинительного процесса заключается в споре равноправных сторон перед третьим лицом – судьей, основными признаками которого являются: а) наличие в процессе сторон, стоящих отдельно от суда и пользующихся правами участия в деле; б) равноправие сторон; в) освобождение суда от процессуальных функций сторон» [10], то есть состязательный (обвинительный) порядок судопроизводства заключается в четком разделении функций защиты, обвинения и разрешения дела по существу. Суд стал приступать к делу лишь по обвинению, представленному уполномоченным на то от государства обвинителем, которое содержало в себе указание определенного лица и вменяемого ему преступления. Оставаясь в пределах этого обвинения, суд должен был дать конкретный ответ о виновности данного лица в указанном преступлении, то есть суд, освобожденный от чуждых ему обязанностей сторон по обвинению и защите, получил возможность исполнять естественную для него функцию оценки обвинения, вмененного подсудимому, на основе представленных сторонами доказательств. При этом подсудимый больше уже не являлся предметом исследования, а стал равноправной стороной в процессе, получившей право на защиту.

Уставом уголовного судопроизводства [11] закреплялось общее положение, согласно которому судебное преследование могло возбуждаться как должностными, так и частными лицами (ст. 2). В Уставе предусматривались составы преступлений, которые могли быть возбуждены не иначе как по жалобе потерпевшего от преступления. Примирение же в таком деле освобождало обвиняемого от личной ответственности и признавалось с тем за отречение от вознаграждения, если обиженный не оставлял за собой права на иск гражданский (ст. 20 Устава), то есть предусматривалась свобода поведения не только в распоряжении предметом процесса, но и правами в ходе процесса.

Рассмотрение дел частного обвинения было отнесено к ведомству мировых судей (ст. 35 Устава). Законодатель находил, что «такие уголовно-частные преступления дают пострадавшему от них неотъемлемое право преследовать их или не преследовать, и потому стеснять его в этом праве никак не должно» (ст. 4 Устава), потому что эти преступления касались более частных лиц, чем общества. Как отмечал А. Квачевский, «данные преступления нарушают прямо частный интерес и только косвенно падают на общественный, поэтому не преследуются самим государством, а представляются произволу и усмотрению пострадавших от противозаконного действия или по незначительности вреда и убытков вообще, или маловажности зла для государства при важности его для частного лица, или потому, что государство по различным причинам находит неудобным возбуждать со своей стороны преследование без воли пострадавшего» [12]. По мнению же И. Я. Фойницкого, частное обвинение «имеет два главных удобства: значительно облегчает заботу правительства и дает правовое удовлетворение естественному чувству обиды потерпевшего вследствие содеянного против него или его близких преступления – чувству, которое гарантирует надлежащую со стороны обвинителя энергичность в преследовании. Поэтому полное устранение от уголовного преследования частных лиц, потерпевших от наказуемых деяний, не политично и не справедливо» [13].

События октября 1917 года и последующие за этим годы Советской власти внесли свои коррективы в осуществление правосудия в России и в процесс развития форм уголовного судопроизводства, который был неразрывно связан с политическими событиями, происходившими на ее территории в период с 1917 года по настоящее время. Постепенно все более приоритетное положение за-

нимало публичное обвинение, при этом в первую очередь развивается обвинительный уклон.

Так, согласно УПК РСФСР 1923 года, потерпевший, не заявивший требований о возмещении материального ущерба по делам публичного обвинения, не являлся даже стороной по делу. Его процессуальное положение в суде не отличалось от функции свидетеля. Доминировало мнение, что личные интересы не должны расходиться с общественными, а если это и происходило, то предпочтение, безусловно, отдавалось последним. В последующие периоды уголовная политика, проводимая государством, все более ужесточалась. Публичное обвинение становится основной формой уголовного судопроизводства. Введение в действие в 1961 году нового Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [14] в целом положение не изменило. Так, в соответствии с ним к делам частного обвинения было отнесено ничтожное количество преступлений, по которым согласно ст. ст. 27, 108 и 109 УПК РСФСР возбуждение уголовных дел производилось только судьей.

После внесения Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 года изменений и дополнений в УПК [15] была установлена протокольная форма досудебной подготовки материалов для дел о преступлениях частного обвинения, то есть сложилось два различных способа судопроизводства по делам данной категории, которые противоречили друг другу и обнаруживали явное несовершенство. Постановлением Конституционного суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. №19-П «По делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР» [16] практика возбуждения судом уголовных дел по протокольной форме досудебной подготовки материалов, в том числе и по делам частного обвинения, была признана незаконной. С этого времени вновь стал использоваться только один способ, то есть в порядке ст. 27, 108 и 109 УПК, когда пострадавшие граждане обращались с жалобами в суд, а судья, усмотрев достаточные для возбуждения уголовного дела основания и удостоверившись в нежелании сторон примириться, выносил постановление о возбуждении уголовного дела, которое затем направлял в соответствующий РОВД для производства предварительного расследования.

Однако Федеральный закон РФ от 7 августа 2000 г. №119-ФЗ внес изменения и дополнения в УПК [17]. Данные новации значительно изменили действовавшее до этого времени на территории России уголовное судопроизводство. Так, согласно ст. 467 УПК, мировому судье стали подсудны дела ча-

стного обвинения, по которым был предусмотрен принципиально новый порядок возбуждения уголовных дел, то есть в соответствии со ст. 468 такое дело считается возбужденным со дня подачи в суд жалобы потерпевшего (пострадавшего).

Из проведенного исследования следует вывод **о том, что частная форма обвинения с момента своего возникновения и до настоящего времени прошла шесть основных этапов в своем развитии, каждому этапу которого были присущи общие черты, характерные для конкретного исторического периода**, так:

1 этап. Правоотношения строились только между пострадавшим и виновником, по линейной схеме. Пострадавшее лицо само искало, изобличало и наказывало виновное лицо. Пострадавший обладал объемом прав, которым сам себя наделял, при этом не утруждая себя обязанностями. Основной принцип правосудия этого периода – личная месть (рисунок 1).

2 этап. Правоотношения строились между пострадавшим и виновником, но с обязательным участием в качестве арбитров представителей общественности, которые уже налагали на частного обвинителя обязанность предоставления соответствующих доказательств, изобличающих виновность обвиняемого им лица. Правоотношение строилось по замкнутой схеме: пострадавший – арбитр, представитель общественности – виновное лицо. При этом пострадавшее лицо обладало полным правом на обвинение и отказ от него, но в случае непредоставления им соответствующих доказательств оно могло быть подвергнуто наказанию за ложное обвинение (рисунок 2).

3 этап. Правоотношения строились между пострадавшим и виновником, но с обязательным участием в качестве арбитров уполномоченных специальных чиновников, представителей государственной власти. Правоотношение строилось по замкнутой схеме, то есть пострадавший – арбитр в лице государственного чиновника – виновное лицо. Обязанность розыска и изобличения виновника лежала на пострадавшем лице, которое и несло личную ответственность за необоснованное обвинение. Наказание уже регламентирует государство, но с учетом мнения потерпевшего (рисунок 3).

4 этап. На данном этапе начинает формироваться публичное обвинение по делам о преступлениях, затрагивающих интересы всего общества,

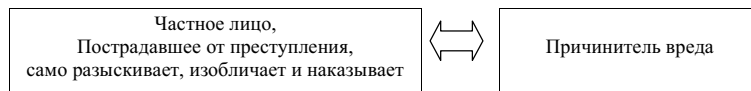

Рисунок 1.

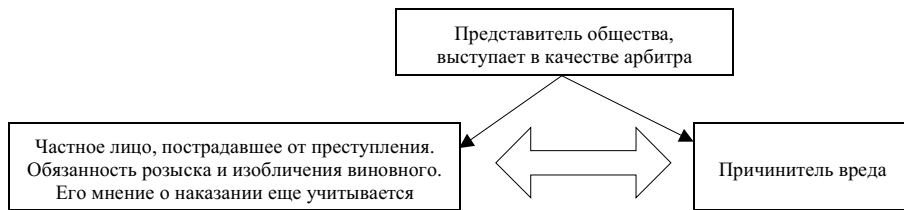

Рисунок 2.

Рисунок 3.

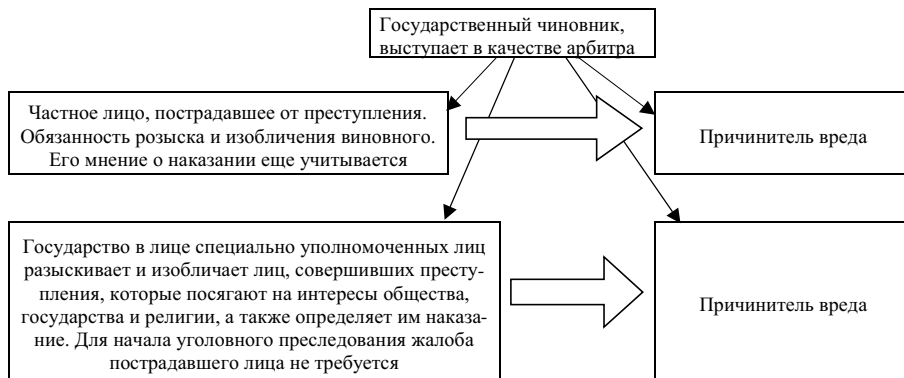

Рисунок 4.

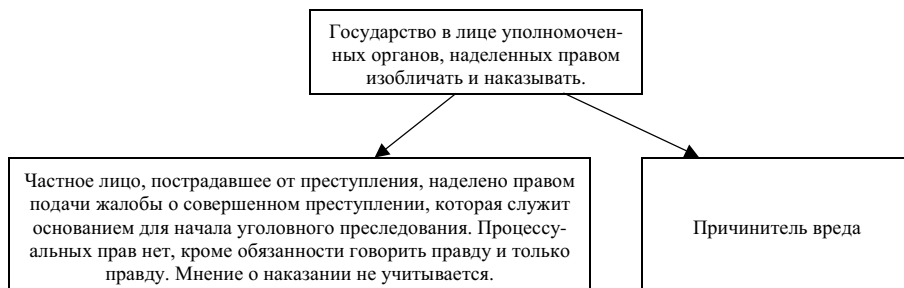

Рисунок 5.

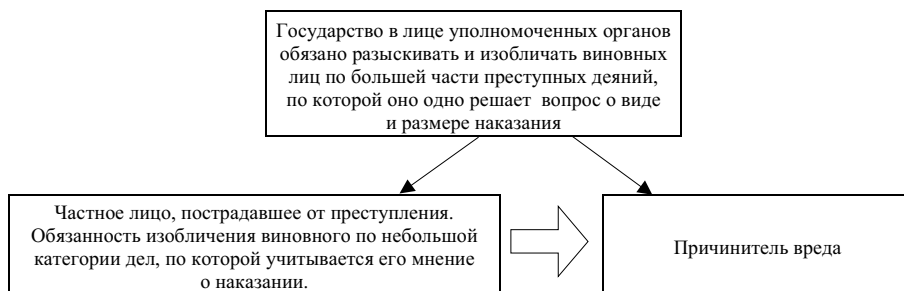

Рисунок 6.

государства или религии. По этим делам изобличением виновных и их обвинением занимаются специально уполномоченные государством чиновники (инквизиторы). Однако сохраняется положение, при котором обязанность розыска и изобличения виновника лежит еще на пострадавшем лице, которое несет личную ответственность за необоснованное обвинение. Правоотношения продолжают строиться между пострадавшим и виновником с обязательным участием в качестве арбитров уполномоченных специальных чиновников, представителей государственной власти. Правоотношение строится по замкнутой схеме, то есть пострадавший – арбитр в лице государственного чиновника – виновное лицо. Наказание регламентируется государством. Однако при этом уже имеют место правоотношения только между государством и виновником по линейной схеме, где государство несет обязанность по розыску, изобличению виновника и его наказанию (рисунок 4).

5 этап. На данном этапе развития общества и государственности публичная форма обвинения начинает преобладать. Правоотношение строится по линейной схеме: пострадавший – государство – виновное лицо. С появлением органов, взявших на себя обязанность розыска виновного в совершении преступления, собирания доказательств, изобличающих его виновность, а также формулирования обвинения, обвинение перестало быть для потерпевшего обязанностью как способ его действия для достижения справедливости. Государство освобождает частное лицо, пострадавшее от преступления, от обязанности розыска и изобличения виновного. При этом государство полностью регламентирует порядок доказывания, допустимость доказательств

и их достаточность, а также вид и размер наказания. Мнение потерпевшего по вопросам наказания государство не интересуется, он лишается права на отказ от своего обвинения, то есть его роль в уголовном процессе сведена до роли свидетеля с правом подачи жалобы, которая служит поводом и основанием возбуждения уголовного преследования. Обвинение от имени государства поддерживает и формулирует в силу должностной обязанности специально уполномоченный государством чиновник. Таким образом, можно утверждать, что на данном этапе развития общества дискриминация прав частных лиц, пострадавших от преступлений, достигает своей вершины (рисунок 5).

6 этап. На данном этапе развития общества и государства публичная форма обвинения хоть и продолжает преобладать, но при этом процессуальные права частных лиц, пострадавших от преступления, начинают расширяться, вернее, им их начинают постепенно возвращать. Правоотношения по большей части преступлений продолжают строиться по линейной схеме, то есть: пострадавший – государство – виновное лицо. Однако уже появляются категории дел, по которым правоотношения строятся по замкнутой схеме, то есть: пострадавшее лицо – государство – виновное лицо, по которым государство обязано изобличения виновного лица и доказывания его вины перед судом перекладывает на плечи пострадавших лиц, но при этом предоставляет им право на отказ от обвинения. По остальным категориям дел сохраняется прежний порядок, с небольшим расширением прав потерпевших, которым предоставляется право высказывать свое мнение в судебных прениях (рисунок 6).

Список использованной литературы:

1. Микляшевский В. О средствах представления обвиняемого в суде и пресечения ему способов уклоняться от следствия и суда. Т. 1. – Варшава, 1873. – С. 12.
2. Русская Правда / Изд-во Калачева. Академический список. – Ст. ст. 4, 6, 10.
3. Чельцов-Бebutov М. А. Курс уголовно-процессуального права. – СПб.: Равена, Альфа, 1995. – С. 634.
4. Судебники XV-XVI веков / Под ред. Н. Е. Носова. – Л., 1986. – С. 174-183.
5. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство // Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. Э. Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – С. 32.
6. Чельцов-Бebutov М. А. Указ. соч. – С. 670.
7. Соборное Уложение 1649: текст, комментарии / Под рук-вом А. Г. Манькова. – Л.: Наука, 1987. – С. 215.
8. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. – СПб.: Изд-во «Альфа», 1996. – С. 33.
9. Фойницкий И. Я. Указ. соч. – С. 56.
10. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство // Хрестоматия по уголовному процессу России: Учебное пособие / Автор-сост. Э. Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – С. 65.
11. Устав уголовного судопроизводства / Сост. Н. Озерцовский. – СПб.: Изд-во Законоведение, 1913.
12. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным Уставам 1864 года. – СПб., 1866. – С. 81.
13. Фойницкий И. Я. Указ. соч. – С. 73.
14. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – №40. – Ст. 592.
15. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1985. – №5. – Ст. 163.
16. Собрание законодательства РФ. – 1996. – №50. – Ст. 5679.
17. Собрание законодательства РФ. – 2000. – №33. – Ст. 3345.